

Бросим же взгляд на некоторые из этих городских революций и посмотрим, как народ, не дожидаясь королевских указов, сам сумел организовать городской строй вместо дезорганизованных выступлений отдельных личностей, которые могли бы руководствоваться жадной личной наживой.

В 1789 г. известия распространялись с большой медленностью. Артур Юнг, объезжавший Францию в июле этого года, не нашел 12 июля в Шато-Тьери и 27 июля в Безансоне ни одного кафе, где имела бы какая-нибудь газета. В городе толковали о событиях, происшедших две недели тому назад. В Дижоне через девять дней после большого восстания в Страсбурге и взятия городской ратуши народом никто еще об этом не знал. Зато когда в провинцию доходили слухи из Парижа, если они и принимали сказочный характер, то всегда складывались так, что двигали народ к восстанию. Говорилось, например, что все депутаты посажены в Бастилию, и с уверенностью рассказывали о всяких злодействах, якобы совершенных Марией-Антуанетой.

В Страсбурге волнения начались 19 июля, как только в городе разнеслась весть о взятии Бастилии и убийстве де Лонэ. Народ еще раньше был недоволен магистратом, т. е. городским советом, за ту медлительность, с какой он сообщал «представителям народа», т. е. собраниям выборщиков, о результатах своего обсуждения свода жалоб, поданного бедным населением. Теперь, т. е. 19 июля, под влиянием вестей из Парижа толпа бросилась к дому аммейстера (городского головы) Лемпа и разгромила его.

Устами своего «собрания буржуазии» народ требовал мер «для того, чтобы обеспечить политическое равенство граждан и их влияние на избрание лиц, управляющих общим достоянием, и свободно избираемых судей»¹. Он хотел, чтобы независимо от существующего закона были выбраны всеобщей подачей голосов новое городское управление и новые судьи. Магистрат, т. е. старое городское управление, наоборот, совершенно не хотел этого «и противопоставлял закон, установленный несколькими веками, предлагавшемуся изменению». Тогда народ стал осаждать городскую ратушу, и в залу, где происходили переговоры магистрата с представителями революционеров, посыпался град камней. Магистрат уступил.

Между тем при виде высыпавшей на улицу бедноты зажиточная буржуазия стала вооружаться против народа и явилась к коменданту провинции графу Рошамбо «испросить его согласия на то, чтобы *добрая* буржуазия вооружилась и присоединилась к войску для охраны порядка», на что генеральный штаб коменданта, проникнутый аристократическими взглядами, ответил отказом, как де Лонэ в Бастилии.

На другой день в городе распространился слух, что магистрат взял свои уступки назад, и народ снова явился к ратуше с требованием уничтожения таможенных платежей при ввозе в город припасов, а также палаты денежных сборов (*aides*). Раз это сделано в Париже, почему не сделать того же в Страсбурге? Около шести часов по трем улицам, ведущим к ратуше, двинулись толпы «рабочих, вооруженных топорами и молотками». Они выломали топорами двери ратуши, разбили ее погреба и стали с ожесточением уничтожать накопившиеся в канцеляриях старые бумаги. «На эти бумаги набросились с варварской яростью: они были все выброшены в окно» и уничтожены, писал потом новый магистрат. Все двойные двери архивов были выломаны, чтобы сжечь старые документы. Из ненависти к магистрату народ ломал даже мебель ратуши и выбрасывал ее в окна. Главную канцелярию и «склад спорных документов» постигла та же участь. В отделении денежных сборов были выломаны двери и деньги разграблены. Войска, собравшиеся на площади против ратуши, оказались бессильны; народ делал что хотел.

Перепуганный магистрат поспешил уменьшить цену на мясо и на хлеб; на хлеб была назначена такса в 12 су за ковригу в шесть фунтов². Затем магистрат вступил в дружеские переговоры с представителями 20 «отделов», или гильдий города (называвшихся в Страсбурге «*les tribus*») с целью выработки новой городской конституции. Приходилось спешить, так как бунты продолжались в Страсбурге и в соседних деревнях. Везде народ смещал «установленных» *prevots des communes*, т. е. чиновников, купивших свои места, и назначал новых старшин по своему выбору, а вместе с тем «выставлял

¹ Lettre des representants de la bourgeoisie aux deutes de Strasbourg a Versailles, 28 juillet 1789. — In: *Reuss R. L'Alsace pendant la Revolution Documents*, XXVI (перевожу буквально).

² Мешок зерна стоил тогда 19 ливров. В конце августа цены поднялись до 28 и 30 ливров, и булочникам было запрещено печь пирожные, хлеб на молоке и т. п. Ливр был почти равен теперешнему франку.